

СОЦИАЛЬНАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И МЕТАМОРФОЗЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Л.А. Осьмук

Новосибирский государственный
технический университет

osmuk@fgo.nstu.ru

В статье рассматриваются метаморфозы современного общества, понимаемые как параллельно существующие противоположные тенденции социального развития (на макросоциологическом уровне) и инверсии социального поведения (на микросоциологическом уровне). Объясняются механизмы возникновения метаморфоз на фоне социальной неопределенности. В постмодернистской традиции интерпретируются инверсии социального поведения через понятия «стиль» и «стилизация». Рассматривается восприятие неопределенности современным человеком. Дается оценка последствиям социальной неопределенности.

Ключевые слова: неопределенность, постмодернизм, общество риска, метаморфозы, смысловотворчество в современном обществе, стилизация.

В повседневной жизни неопределенность часто воспринимается человеком как ситуация еще более неприятная, чем конкретная угроза или конфликт. Это некоторая критическая точка, которую предстоит преодолеть, что всегда требует от субъекта анализа ситуации, значительных усилий, принятия решений, а иногда – смены установок, когнитивных и поведенческих схем.

Действительно, неопределенность – состояние социальной реальности, связанное с восприятием разрушенных или разрушаемых стабильных социальных структур. Неопределенность касается субъективного восприятия и интерпретации ситуации как «неопределенной», но причины такой интерпретации вполне реальны, а трансформация социальных структур интенсивна настолько, что проявляется через социальные процессы, усиливая их динамику.

Восприятие социальной реальности человеком, в первую очередь, предполагает установку им диагноза стабильности/определенности или нестабильности/неопределенности ситуации. Такой «диагноз» необходим, чтобы принимать адекватные решения и учитывать или не учитывать нормы и правила игры, признаваемые и функциональные на момент принятия решения. Ситуация неопределенности не позволяет ориентироваться на устойчивые социальные правила и практики, поэтому принятие решения всегда сопряжено с риском и сопровождающим его стрессом. Реакция социальных субъектов, находящихся в ситуации неопределенности, проявляется через растерянность, тревожность, а в худшем случае через апатию и депрессию. Человек не просто испытывает трудности с адаптацией, он испытывает состояние, в котором не может даже думать об

адаптации. Вполне естественно, что во время войн, кризисов, природных катаклизмов человек живет в ситуации неопределенности, равно как такую же неопределенность он переживает в ситуации реформ, переезда в другую страну, перехода в другую организацию и др., т.е. причины социальной неопределенности могут быть самыми разными. И сама ситуация неопределенности различается в зависимости от причин, но в любом случае она вызывает чувство тревоги и ощущение дезориентации. Состояние неопределенности может быть сильнее или слабее, оно может длиться столько, сколько длится период разрушения социальных структур, в то время как человек лишен информации о сути и причинах происходящего. Ситуация неопределенности лишает человека смысла происходящего. Возьмем, например, войну как крайний случай ситуации неопределенности. Как только человек понимает смысл происходящего, как только он выстраивает стратегию своих действий и создает некоторую личностную «идеологию», характер неопределенности начинает меняться. Печально известная ленинская идея «ни войны, ни мира» есть наиболее опасная установка, рождающая ту ситуацию, в которой человек перестает понимать, что от него требуется.

Так, еще одна классическая ситуация неопределенности определяется через ставшее «крылатым» китайское пожелание-проклятие «жить в эпоху перемен». Перемены, какими они бы ни были, всегда создают ситуацию неопределенности. Что же говорить о современном техногенном обществе, в котором постоянно что-либо изменяется, а инновационная привлекательность организаций и субъектов стала ведущим принципом. Неопределенность ощущается современным человеком по-особому, как непреходящее и естественное состояние. Она

не воспринимается как катастрофа, потому что такое состояние вполне можно терпеть, более того, можно вполне удачно в нем существовать. Но является ли неопределенность характерной чертой современного общества или же это атрибут социального развития вообще? Если неопределенность всегда огорчала человека и человечество, то чем она принципиально отличается сегодня и как влияет на поведение человека?

Будучи «погруженным» в социальный мир, человек стремится быть адекватным ему, определяя его состояние как современность, а себя в определенной степени как современного человека. Принимая или не принимая социальную реальность, человек тем самым ставит себе диагноз: «Я современен или Я не современен». При этом ощущение современности предполагает необходимость улавливать скорость и ритм развития общества и успевать за этим развитием. Нельзя не заметить, что скорость и ритм развития современного общества таковы, что человек едва успевает адаптироваться к социокультурному пространству. Радость успеха и торжество техногенного разума уже давно сменились чувством страха, и хотя пророчество О. Шпенглера относительно гибели европейской культуры не сбылось, тягостное чувство обреченности на неопределенность осталось. В этой ситуации социальный поток буквально тащит сопротивляющегося человека. Страх перед неопределенностью привел и к появлению постмодернистского мироощущения, которое уже не претендует на изменение мира и выбирает кредо существования: не живем, но существуем. Таким образом, есть все основания считать неопределенность знаковым явлением современного общества.

Состояние неопределенности в современном обществе провоцируется постоян-

ными рисками. Например, для З. Баумана: «Современная неопределенность представляет собой неопределенность совершенно нового вида»¹. Однако и здесь мы возвращаемся к тезису об атрибутивности неопределенности, риск – характерная черта социальной деятельности и человеческой жизни вообще². С точки зрения С.В. Тихоновой и И.А. Афанасьева, все существование человечества и его социального мира – есть постоянная борьба (выраженная или латентная) против состояния неопределенности: «... вся социальная организация в каком-то смысле может рассматриваться как результат стремления минимизировать неблагоприятные риски и максимизировать (хотя бы гипотетически) вероятность благоприятного исхода. Мы создаем институты, управляющие рисками, – от метеослужбы до социального государства. Новые институты порождают новые риски, и нам приходится создавать институты уже для них, причем риски каждого следующего уровня все труднее прогнозировать»³. Следовательно, развитие социальной системы достигло такого уровня, когда старые традиционные институты, управляющие рисками, уже не реагируют на весь спектр возможностей и связанных с ними флуктуаций. Кроме того, риск связывается теперь не только с развитием институтов, но и с социальной повседневностью, что мы находим, например, в коммуникативной модели Н. Лумана⁴.

Действительно, современное общество, характеризующееся как общество риска, по-

ставило человека в ситуацию неопределенности, которую вряд ли можно сравнить со средой, где бережно культивируются задатки личности и раскрывается ее потенциал. Из собственного опыта мы знаем, что человек в последнее время все меньше успевает рефлексировать по поводу своего «Я», а сама рефлексия ограничивается ситуацией, произошедшей накануне. Анализируя последнюю, мы тщательно отделяем рациональное от иррационального, стараемся увидеть причинно-следственные связи и осознать угрозы, чтобы принять нужное нам решение, позволяющее более-менее успешно «погрузиться» в следующую ситуацию. Получается, что человек, провозглашая рациональность панацеей от неопределенности, не может расслабиться из-за того, что существует в постоянных рисках.

Более того, само ощущение неопределенности скрадывается рационализацией жизни, наступает момент, когда субъект перестает ощущать риск. Оценка существования в современном обществе колеблется от дефицита новых ситуаций, чему способствует неподвижный образ жизни, общение через Интернет и ограниченность связей (привычная и скучная схема движения в социальном пространстве: дом – работа – дом), до постоянного, пролонгированного стресса, возникающего на фоне неопределенности. При этом эти две полярные оценки, демонстрирующие восприятие социальной реальности современным человеком, на практике совершенно не противоречат одна другой, подобные метаморфозы воспринимаются как данность: сегодня Мне не хватает адреналина, а завтра Я готов все отдать, чтобы избавиться от него.

Эпоха неопределенности сопровождается явлениями и процессами, способными

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002. – 15 с.

² Тихонова, С.В., Афанасьев, И.А. Общество риска: мифологизация одной парадигмы // Человек. – 2009. – № 3. – С. 57.

³ Там же

⁴ Луман Н. Власть. – М.: Праксис, 2001 – 250 с.

быстро изменять свою форму и содержание. Метаморфозы современного общества являются следствием неопределенности и имеют инвертируемый характер, например: процесс глобализации сосуществует и инвертируется в процесс реэтнизации; индивидуализация человека естественным образом сливается с растворением личности в массе; рост креативности соседствует с ростом безграмотности во вполне цивилизованных странах... Список одновременно существующих противоположных тенденций развития современного общества можно продолжать, но более всего потрясает то, что каждый из векторов развития часто является источником или причиной противоположного. Дихотомия социальных явлений вообще сопровождает развитие общества, но в условиях ускорения развития смена одних тенденций на противоположные происходит настолько быстро и явно, что фактически превращается в метаморфозу. Наступает момент, когда вполне запутавшийся человек уже и не знает, какая из тенденций – ведущая. Ориентироваться в таком социальном пространстве крайне сложно.

Одна из основных причин нарастающей неопределенности и сопровождающих ее инверсий – увеличение объема информации в социокультурной системе. Интенсивные информационные процессы, дестабилизируют все коммуникативные структуры, одна только проблема выбора в ситуации информационного потока дается человеку достаточно непросто. Как следствие, несмотря на увеличение информации, содержание смыслов в культуре уменьшается, на наших глазах культура «упрощается»: даже элементарные приветствия в культуре теряют прежний ритуальный характер, не говоря уже о стремлении к

упрощению языка и массовом искусстве. В то же время (интересный факт) мы с той же уверенностью можем говорить о том, что культура стала много сложнее, хотя бы благодаря накопленному багажу знаний. Интересно, что в процессе коммуникации человек так и мечется от «упрощения» к «усложнению».

Современная эпоха, часто описываемая в понятиях «антропоцентризм», «индивидуализация», «интерпретация», «субъективизм», стала хотя и идеальным, но, к сожалению, не самым стабильным контекстом существования человека. По ходу дела, несмотря на многочисленные декларации, призванные поднять личность на социальный пьедестал, выяснилось, что признание уникальности человека и значимости личности вовсе не означает, что общество готово к созданию условий, благоприятных для ее (личности) развития. Увеличение рисков придает социокультурному пространству стрессогенный характер. Принимая ситуацию неопределенности (а деваться некуда), человек постоянно играет «на грани», но, поскольку постоянно находится в таком, по сути стрессовом, состоянии невозможно, изменение ролей и установок, другими словами, метаморфозы, становятся вполне нормальным явлением. Как отмечают Ц.П. Короленко и Н.В. Дмитриева: «Постсовременный мир эпизодичен, непостоянен, условен и случаен. То, что сегодня принято считать безусловно «правильным», завтра может оказаться «неправильным».... Психологическое содержание значений, декларируемых истин, правил, положений, регламентированных активностей оказывается неполным, незавершенным, двойственным. Сущность этих феноменов изменяется уже с начала их возникновения и

тем более применения в реальной жизни»⁵. Действительно, в современном обществе трудно, например, говорить о таких вещах как ценности, существование же общечеловеческих ценностей вообще ставится под сомнение. Необходимость приспосабливаться к каждой следующей новой ситуации, которую трудно предусмотреть и выделить из веера возможностей, сводит к нулю существование принципов. Единственной ценностью и принципом становится прагматизм. Есть опасения относительно того, что мы присутствуем при формировании общества целерационального поведения, что при абсолютизации сводится к абсурду, поскольку слишком напоминает пресловутый «Замок».

Но «Замок» плохо вписывается в ситуацию неопределенности, и возникает потрясающий гибрид. Метаморфозы, или социальные инверсии, и здесь становятся своеобразной игрой. Более того, человек входит во вкус и принимает условия инверсии. Можно сказать, чудным образом у него в руках оказывается та самая чудодейственная мазь, которая некоторым образом подвела героя Апулея. Естественно, что социальное поведение в условиях неопределенности изменяется.

В условиях неопределенности и постоянных рисков потребность в стиле и в стилизации жизни становится много острее. В результате смысловых метаморфоз стиль в постиндустриальную эпоху превращается в заменитель (симулякр) иррационального и эмоционального, чей дефицит обнаруживается в постиндустриальную эпоху. Можно предположить, что количество быстро сменяющихся друг друга ситуаций, тре-

бующих принятия решения и вызывающих стресс, здесь таково, что возникающие эмоции и сопутствующая им рефлексия (следствием которой становятся смыслы) сменяются слишком стремительно, чтобы запомниться человеку и отложить какой-либо след в его жизни. Тем самым человека лишают удовольствия созерцания и смысловотворчества. Что касается эмоциональности, то в обществе риска, казалось бы, в соответствии с его определением, человек должен испытывать более сильные эмоции, но всем очевидно – это эмоциональность особого рода. В условиях постоянных рисков человек устает эмоционально реагировать на постоянные стрессорирующие факты. Тем не менее обнаруживающая себя усталость от рисков (и необходимости на них реагировать), крайним проявлением которой становится эмоциональная импотенция (неумение на что-либо эмоционально реагировать), рождает более сильное желание «чувствовать» и «желать». Другими словами, у человека возникает желание не в простых эмоциональных реакциях, а в сильных чувствах, т.е. эмоциях, окрашенных и усложненных смысловотворчеством. Такая острая потребность приводит к устойчивому желанию самовыразиться, в котором стиль как раз и дает такую возможность, или крайней мере иллюзию самовыражения. Иллюзия стиля, которой человек придает смысл, становится реальностью, поскольку она определяет наше поведение и, в соответствии с тезисом об интересубъективном конструировании социальной реальности, определяет наши отношения с другими. Отметим, что данный тезис вполне укладывается в теорему Томаса.

Для того чтобы понять всю значимость стиля как поведения и смыслообразования для современного общества (общества ри-

⁵ Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Homo Postmodernus. Психологические и психические нарушения в постмодернистском мире. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2009. – С. 19.

ска и общества неопределенности), нам придется эксплицировать содержание данного понятия. Действительно, для науки категория «стиль» уже давно передвинулась из области эстетики в сферу взаимодействия субъектов в социокультурном пространстве. Так, М. Дюфрен, Е. Ротхакер, Р. Барт, М. Фуко и многие другие современные исследователи, освещая проблемы стиля, говорили о стиле как о «стиле жизни». В таком широком понимании стиль осуществляется как создание смыслоформы в рамках целостного жизненного проекта культурного субъекта. Другими словами, стиль – это не просто единичные и ситуативные внешние проявления вкуса и эстетических пристрастий человека, это выражение субъективного мира через демонстрацию поведения, которое длится всю жизнь. В свою очередь, стиль жизни в каждой конкретной точке отчета (ситуации) влияет на то, что называют судьбой, т.е. преопределяют развитие последующих ситуаций.

Стиль, таким образом, представляет собой ценностно-детерминированное сочетание формальных (эстетических) элементов, создающих законченный, целостный, выразительный образ, который субъект хочет продемонстрировать миру вообще, конкретным другим и самому себе. Стиль – эманация конструируемого мира, доносящая до других личностные ценности (смыслы) с помощью эстетической формы. Объяснить другим что-то о себе, для того чтобы обрести смыслы, во все времена было наивным, но и целенаправленным желанием человека. Древний эпос подарил нам замечательно точную оценку поведения героев, которые начинали свою бурную деятельность с намерения: «На других посмотреть и себя показать», вот оно – взаимодействие с миром через стиль и стили-

зацию. В постиндустриальном обществе стиль играет особую роль не только в редких ситуациях «выхода в свет», или появления в присутственных местах, он наполняет собой всю повседневность. Стиль сам становится смыслом, кроме того, он адаптирован под неопределенность и поддерживает метаморфозы на микроуровне.

Действительно, в современном обществе, оставаясь характеристикой поведения субъекта, стиль выходит за рамки просто поведения. Стиль становится результатом смыслотворчества, и именно это его качественно новое понимание приводит к признанию его как ценности. В последнее время мы все чаще судим о человеке и окружающих его вещах в терминах «стильный», «стилизированный», а стилизация может превращаться в самоцель. Обычно стилизация рассматривается как средство выражения стиля и является совокупностью приемов, способов и техник, подчиненных и используемых субъектом в специфической смыслотворческой деятельности.

Возрастание значения стиля для человека проявляется в его стремлении к стилизации. В этом стремлении социальный субъект получает поддержку в самом социокультурном пространстве, чьи особенности определяются сущностью постиндустриального общества. Речь идет, прежде всего, как уже отмечалось выше, о более чем излишней информационной насыщенности социокультурного пространства, которую очень трудно пережить, но которая в то же время дает дополнительные ресурсы для стилизации. Перенасыщенный информационный поток обрушивается на субъекта в пространстве независимо от его желания, что располагает к взаимодействию на уровне «обменной», а не функциональной стоимости (в терминологии Т. Адорно), тем са-

мым, возникают предпосылки для спекуляций на разрыве «означающего» с «означаемым» (Ж. Бодрийяр, Ж-Ф. Лиотар). Разрыв эстетического с этическим, стилизация как «симулякр», операция пустыми стилистическими образами без сопоставления с ценностными ориентациями – все это свидетельствует о видимости (иллюзии) целостной жизненной стратегии личности. Проблема выбора информации оказывает влияние и на механизмы формирования стиля, т.е. на стилизацию. Это проблема возможностей и искушения возможностями, которой трудно избежать и которую избежать социальному субъекту не удастся. Остается одно: пользоваться перенасыщенным потоком, что и делает человек, увлекаясь возможностью всепроникающей стилизации. Таким образом, само социокультурное пространство определяет специфику смыслотворчества через стиль и стилизацию. Для этого в нем есть все предпосылки: распространенность множества стилистических клише, накопленных всеми предыдущими эпохами; толерантность в выборе социально-дифференцированных эстетических образов. Стилизация является выходом из ситуации страха перед потерей персонификации и социальной идентичности в постоянно сменяющихся друг друга ситуациях неопределенности. Напомним, общество риска представляет собой угрозу для развития личности вообще, постоянные страхи приводят к сложной идентичности (личностной и социальной), которую каждый раз приходится восстанавливать и собирать в ее целостности. Стилизацию можно рассматривать в данном случае как механизм восстановления идентичности и целостности субъективного мира, адекватный социальному контексту, так жестоко диктующего условия игры.

Стиль и стилизация всегда выступают как индивидуальные механизмы проявления своего Я в общности. Но, рассуждая о значимости стиля и стилизации, мы не можем не задаться вопросом: если стиль и стилизация обнаруживаются во всем, если мы рассматриваем их как атрибут социального поведения современного человека и, более того, характеристику жизни субъекта, то есть ли стиль вообще? Возможно ли (и как возможно) оригинальное, персонифицированное смыслотворчество, или имеет место лишь копирование отдельных черт различных стилей и воспроизведение существующих стилистических практик и техник, другими словами – культурный фрейминг? В общедоступности информации и рискованной среде действительно заложена опасность потерять то, к чему, казалось бы, стремится человек.

Современное общество предоставляет человеку расширенный диапазон не только стилей, но и вариантов механизмов их выборов – симулятивной избирательности. Метаморфозы в социальном поведении превращаются в принцип. Предпосылкой симулятивной избирательности является то, что информационное общество формирует ситуации избегания контактов с определенными секторами реальности в результате перенасыщения информацией. Таким образом, субъект, неспособный справиться с многоосторонностью повседневной реальности, вынужден действовать, упрощая и фальсифицируя стиль подобным же «метафорическим», симулятивным образом. Предпосылкой к симуляции, следованию определенной модели поведения, образу действий, выбору стереотипа является сама ситуация необходимости сужать и концентрировать до необходимого избыточный информационный поток. Причем

выбор, как и уровень необходимости, определяется индивидом сознательно, симуляция же, таким образом, преследует определенные цели, а не является целью сама по себе. В соответствии с логикой избирательности, стилизация является вынужденным, но сознательным выбором ролевых моделей и стилистических образцов, что чрезвычайно важно для общества риска. Во-первых, индивид лучше и усваивает, и принимает диапазон социальных ролей, предлагаемых обществом, без ущерба для себя. Во-вторых, индивид проигрывает роли, получая удовольствие и намного успешнее решает ситуации, связанные с принятием решений. В-третьих, регулярное обращение к стилизации расширяет креативный потенциал и человека, и общества. И, наконец, все перечисленное позволяет примирить человека с неопределенностью, которую выносить достаточно тяжело. Таким образом, через стилизацию риск смягчается.

Но почему все-таки мы говорим об ущербности стилизации, почему стиль не решает в полной мере проблем личности (идентичности, самореализации, личностного роста)? Вспомним, что процессы глобализации и виртуализации (в значении создания компьютерных сетей, обеспечивающих виртуальный доступ к фактически любому сектору культурной реальности, находящемуся вне пределов физической досягаемости) объективируют «интертекст», а субъект культуры легко может получить доступ к общей базе идей. Благодаря тем же процессам локальная фальсификация идей путем копирования оригинальных замыслов авторов, изолированных от локальной системы взаимодействия, становится все сложнее. Такая локальная фальсификация и лежит в основе стили-

зации в современном обществе. И проблема заключается в том, что заимствование и фальсификация становятся слишком явными и не успевают осмысливаться человеком. Другими словами, стиль часто носит искусственный характер, стереотипы, лежащие в его основе, не успевают интериоризовываться, что, в свою очередь, замедляет смыслотворчество или ведет к его поверхностному пониманию. Следовательно, симулякры и симулятивная избирательность не так позитивны и оказывают негативное воздействие на личность. Человек, как это часто бывает, оказывается в порочном круге, в котором он, не смотря ни на что, пытается не просто быть личностью, имеющей свое лицо, но и познавать этот постоянно и слишком быстро изменяющийся мир, мир неопределенности.

В этом мире (обществе) все уровни: и макро- и микро- обречены на инверсии. И даже в социальном поведении, в повседневности, метаморфозы проявляющиеся как стилизация, отвечают непрерывным социальным и системным флуктуациям. Тем не менее стремление к метаморфозам – это очень по-человечески...

Литература

Бауман З. Индивидуализированное общество: Пер. с англ. / Под ред. Инноземцева В.Л. – М.: Логос, 2002. – 325 с.

Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Homo Postmodernus. Психологические и психические нарушения в постмодернистском мире. / Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2009. – 248 с.

Луман Н. Власть / Пер. с нем. Антоновского А. – М.: Праксис, 2001 – 250 с.

Тихонова, С.В., Афанасьев, П.А. Общество риска: мифологизация одной парадигмы // Человек. – № 3. – 2009. – С. 57–60.